

ПОТОМУ ЧТО Я - ЧЕЛОВЕК

СБОРНИК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

3 класс

II четверть

Издательский дом
Шалвы Амонашвили
Москва
2007

ПОТОМУ ЧТО Я — ЧЕЛОВЕК

**СБОРНИК
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ**

3 КЛАСС

II ЧЕТВЕРТЬ

**Издательский дом
Шалвы Амонашвили
Москва
2007**

Содержание

3 КЛАСС

II ЧЕТВЕРТЬ

«Потому что я – человек»

В.Сухомлинский. Потому что я – человек	3
В.Сухомлинский. Обыкновенный человек	4
С.Баруздин. Бревно	5
Осколки доброты. Быль	6
Два друга и нищий старик. Притча	6
Испытание учителя. Притча	8
В.Солоухин. Ножичек с костяной ручкой	10
В.Сухомлинский. Самые ласковые руки	16
Л.Нечаев. Мопед	18
Л.Арсений. ...Кисель там варят из резины ...	22
С.Бондаренко. ...В реке там рыба на бугре	23

В Л. Сухомлинский

ПОТОМУ ЧТО Я — ЧЕЛОВЕК

Вечерело. По дороге шли два путника: отец и семилетний сын. Посреди дороги лежал камень. Отец не заметил камня, споткнулся, ушиб ногу. Ему больно. Кряхтя, он обошел камень и, взяв за руку ребенка, пошел дальше.

На второй день отец с сыном шли той же дорогой обратно. Отец опять не заметил камня, опять споткнулся и ушиб ногу.

На третий день отец и сын снова шли по той же дороге. До камня еще было далеко. Отец сказал сыну:

— Смотри внимательно, сын. Надо обойти камень.

Вот и то место, где отец дважды споткнулся и ушиб ногу. Отец с сыном замедлили шаг, но камня уже не было. На обочине дороги сидел седой старик.

— Дедушка, — спросил мальчик, — вы не видели здесь камня?

— Я убрал его с дороги.

— Вы тоже споткнулись и ушибли ногу?

— Нет, я не споткнулся и не ушиб ногу.

— Почему же вы убрали камень?

— Потому что я — человек.

Мальчик остановился в раздумье.

— Папа, спросил он, — а разве вы не человек?

В.А. Сухомлинский

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В жаркой, сухой степи колодец. Возле колодца изба. В ней живут дед с внуком.

У колодца на длинной веревке ведро. Идут, едут люди — заворачивают к колодцу, пьют воду, благодарят деда.

Однажды ведро оторвалось и упало в глубокий колодец. Не было у деда другого ведра. Нечем воды достать и напиться.

На другой день утром подъезжает к дедовой избе мужик в телеге. Под соломой у него ведро.

Проезжий посмотрел на колодец, глянул на деда с внуком, ударил кнутом лошадей и поехал дальше.

— Что это за человек? — спросил внук деда.

— Это не человек, — ответил дед.

В полдень проезжал мимо дедовой избы другой хозяин. Он достал из-под соломы ведро, привязал к веревке, достал воды и напился сам, дал напиться деду и внуку, вылил воду в сухой песок, спрятал ведро опять в солому и поехал.

— Что это за человек? — спросил деда внук.

— И это еще не человек, — ответил дед.

Вечером остановился у дедовой избы третий проезжий. Он достал из телеги ведро, привязал к веревке, набрал воды, напился, поблагодарил и поехал, а ведро оставил привязанным у колодца.

— А это что за человек? — спросил внук.

— Обыкновенный, — ответил дед.

С. Баруздин

БРЕВНО

Лежало на пути бревно.

Мешало путникам оно.

Один сказал: — Нехорошо. —

Сказал и, знай себе, пошёл.

Второй взглянул,

Потом вздохнул

И то бревно перешагнул.

А третий путник промолчал.

Он с виду был и хил, и мал.

Он молча скинул полушубок

И в сторону бревно убрал.

ОСКОЛКИ ДОБРОТЫ

Быль

Семья проводила выходной день на пляже. Дети купались в море и строили замки на песке.

Вдруг вдалеке показалась маленькая старушка. Ее седые волосы развевались по ветру, одежда была грязной и оборванной. Она что-то бормотала про себя, подбирая с песка какие-то предметы и перекладывая их в сумку.

Родители подозвали детей и велели держаться подальше от старушки. Когда она проходила мимо, то и дело нагибаясь, чтобы что-то поднять, она улыбнулась семье, но никто не ответил ей на приветствие.

Много недель спустя они узнали, что эта маленькая старушка постоянно подбирала с пляжа осколки стекла, которыми дети могли порезать себе ноги.

ДВА ДРУГА И НИЩИЙ СТАРИК

Притча

В одном селе жили два друга — Андрей и Сергей.

Однажды, когда они, собравшись вместе, мечтали о великих подвигах, благодаря которым их имена останутся в веках, к ним с прось-

бой принести воды обратилась старая больная соседка.

Андрей ответил, что ему надо готовиться к великим делам, поэтому некогда заниматься такой ерундой. А Сергей молча встал и принес воды. После этого разговора он стал каждый день заходить к бедной женщине, чтобы помочь ей.

В другой раз, когда друзья снова сидели на пригорке, к ним подошел нищий старик и попросил накормить его.

— Не мешай, — сказал ему Андрей, — ты всего лишь нищий старик, а я думаю о том, как накормить всех людей на свете.

А его друг тут же встал, принес из избы лепешку и отдал ее страннику. Странник поблагодарил Сергея и сказал:

— Не тот нищий, у кого карман с дырой, а тот, у кого душа пустая. Не тот велик, кто сам о себе так думает, а тот, кого люди таким за дела его считают.

Да разве такой парень, как Андрей, станет слушать какого-то бродягу?

Целыми днями он говорил и говорил о том, каким будет хорошим и великим, как ему будут благодарны люди за его доброту и заботу. А другомой...

Сергею некогда было тратить время на разговоры. Он помогал старым и больным, утешал слабым.

Прошло время. Один из друзей стал известен как болтун, жадина и бездельник, а другой, несмотря на молодость, стал одним из самых уважаемых людей, к мнению которого прислушивались даже старики.

Слава о добром и мудром юноше разнеслась далеко по степи. Говорят, люди в его честь даже гору называли. А вот о втором давно уже никто не вспоминает.

ИСПЫТАНИЕ УЧИТЕЛЯ

Притча

Давным-давно один мудрый старый учитель собрал вокруг себя учеников и сказал им:

— Я чувствую, что стал немощен и стар, ослаб совсем. Теперь ваш долг обеспечивать меня пищей.

Ученики согласились, что в самом деле пришла их очередь послужить своему учителю, но сказали:

— А где, господин, мы найдем еду и деньги? Люди, живущие рядом, вряд ли помогут нам.

Учитель ответил:

— Дети мои, я не прошу вас просить милостыню. Я предлагаю, чтобы вы взяли без спроса. Это не будет грехом, так как нам нужны деньги больше, чем другим. Я слишком слаб, чтобы делать это самому. Так кто же поможет моему старому учителю?

— Мы, мы, — закричали ученики. — Мы молодые и сильные. Скажи, что нам делать?

Учитель объяснил, что сначала они должны найти такое место, где их никто не увидит, и тихо дожидаться. Как только мимо пройдет какой-нибудь богач, они должны незаметно украсть его кошелек. Учитель, однако, сказал, что при этом дети не должны никого обижать.

Все ученики уже собрались уходить, кроме одного мальчика, который стоял, понутив голову. Учитель строго спросил его:

— В чем дело, дитя? Ты не хочешь помочь своему старому учителю?

— Простите меня, мой господин, — сказал мальчик. — Но я не могу сделать, как вы хотите. Вы сказали, что мы должны пойти туда, где нас никто не увидит, и украсть. Но это невозможно, ведь даже если я совершенно один, часть меня самого все равно смотрит. Я скорее пойду просить милостыню, чем позволю своему «Я» смотреть, как я краду!

Лицо старика засияло радостью:

— Наконец-то хоть один из моих учеников понял мои наставления!

Остальные юноши, услышав эти слова, опустили от стыда головы. Но с этого дня они никогда не совершали недостойных поступков, потому что всегда помнили слова своего товарища: «Мое «Я» всегда наблюдает за мной».

НОЖИЧЕК С КОСТЯНОЙ РУЧКОЙ

Из Москвы мне привезли небольшой перочинный ножичек с костяной ручкой и двумя зеркальными лезвиями. Одно лезвие побольше, другое — поменьше.

Отец наточил оба лезвия на камне, и ножик превратился в бесценное сокровище.

Может быть, не все мне поверят, но палку толщиной с большой палец я перерезал своим ножичком с одного раза.

Вырезывание свистка требовало, напротив, тонкой работы. И тут особенно важной была острота. Тупым ножом изомнёшь всю кожицу, дырочка получится некрасивая, мохнатая по краям. Какой уж тут свист, одно шипение! Из-под моего ножичка выходили чистенькие, аккуратные свистки.

С первого сентября открылось ещё одно преимущество моего ножа. Даже сам учитель Фёдор Петрович брал у меня ножик, чтобы зачинивать карандаши.

Неприятность как раз произошла на уроке, при Фёдоре Петровиче. Мы с Юркой решили вырезать на парте что-нибудь вроде «В» или буквы «Ю» (теперь мы уже знали все буквы), и я полез в сумку, чтобы достать ножичек.

Рука, не встретив ножичка в привычном месте, судорожно мыкнулась по дну сумки, заметалась там среди книжек и тетрадей, а под ложечкой неприятно засосало, и ощущение непоправимости свершившегося холодком скользнуло вдоль спины.

Забыв про урок и про учителя, я начал выворачивать карманы, шарить в глубине парты, полез в Юркино отделение, и тут Фёдор Петрович обратил внимание на мою возню и мгновенно навис надо мной во всём своём справедливом учительском гнев.

— Что случилось, почему ты под партой? (Значит, уж сполз я под парту в рвении поисков). Встань как следует, я говорю!

Наверно, я встал и растерялся, и, наверно, вид мой был достаточно жалок, потому что учитель смягчился.

— Что случилось, можешь ты мне сказать?

— Ножичек у меня... украли... который из Москвы.

Почему я сразу решил, что ножичек украли, а я не сам его потерял, неизвестно. Но для меня сомнений не было: конечно, кто-то украл — все ведь завидовали моему ножу.

— Может, ты забыл его дома? Вспомни, подумай хорошенько.

— Нечего мне думать. На первом уроке он у меня был, мы с Юркой карандаши точили... А теперь нет...

— Юрий, встань! Правда ли чинили карандаши на первом уроке?

Юрка покраснел как варёный рак. Ему-то наверняка не нравилась эта история, потому что сразу все могли подумать на него, раз он сидит со мной рядом на одной парте. Про карандаши он честно сознался: «Чинили».

— Ну хорошо, — угрожающе произнёс Фёдор Петрович, возвращаясь к своему столу и оглядывая класс злыми глазами. — Кто взял нож, подними руку.

Ни одна рука не поднялась. Покрасневшие лица моих товарищей по классу опускались всё ниже под взглядом учителя.

— Ну хорошо! — Учитель достал список. — Барсукова, встань! Ты взяла нож?

— Я не брала.

— Садись. Воронин, встань! Ты взял нож?

— Я не брал.

— Садись.

Один за другим вставали мои товарищи по классу, которых теперь учитель (а значит, вроде бы и я с ним заодно) хотел уличить в воровстве. Они вставали в простеньких деревенских платьишках и рубашонках, растерянные, пристыженные; их ручонки, не привыкшие к обращению с чернилами, были все в фиолетовых пятнах. Каждый из них краснел, когда вставал на окрик учителя, каждый из них отвечал одно и то же:

— Я не брал.

— Ну хорошо, — в последний раз произнёс Фёдор Петрович. — Сейчас мы узнаем, кто из вас не только вор, но еще и трус, и лгун. Выйти всем из-за парт, встать около доски!

Всех ребятишек, кроме меня, учитель выстроил в линейку около классной доски, и в том, что я остался один сидеть за партой, почудилась мне некая отверженность, некая грань, отделившая меня от всех, грань, которую перейти мне потом, может быть, будет не так просто.

Первым делом Федор Петрович стал проверять сумки, портфелишки и парты учеников. Он копался в вещичках ребятишек с пристрастием; и мне уж в этот момент (не предвидя ещё всего, что случится потом) было стыдно за то, что я невольно затеял всю эту заварушку.

Прозвенел звонок на перемену, потом снова на урок, потом снова, но теперь не на перемену, а идти домой, — поиски ножа продолжались. Мальчишки из других классов заглядывали в дверь, глазели в окна: почему мы не выходим после звонка и что у нас происходит. Нашему классу было не до мальчишек.

Тщательно обыскав все сумки и парты, Фёдор Петрович принялся за учеников. Проверив карманы, обшарив пиджачишки снизу (не спрятал ли за подкладку), он заставлял разуваться, снимать чулки и, только вполне убедившись, что у

этого человека ножа нет, отправлял его в другой конец класса, чтобы ему не мог передать пропавшее кто-нибудь из тех, кого ещё не обыскиали.

Постепенно народу около доски становилось всё меньше, в другом конце класса всё больше, а ножичка нет как нет!

И вот что произошло, когда учителю осталось обыскать трёх человек. Я стал укладывать в сумку тетради и книжки, как вдруг мне на колени из тетрадки выскользнул злополучный ножичек.

Теперь я уж не могу восстановить всего разнообразия чувств, нахлынувших на меня в одно мгновение. Ручаться можно только за одно — это не была радость оттого, что пропажа нашлась, что мой любимый ножичек с костяной ручкой и зеркальными лезвиями опять у меня в руках. Напротив, я скорее обрадовался бы, если бы он провалился сквозь землю, да, признать-ся, и самому мне в то мгновение провалиться сквозь землю не показалось бы самой большой трагедией.

Между тем обыск продолжался, и мне, прожившему на земле восемь лет, предстояло решить одну из самых трудных человеческих задач.

Если я сейчас не признаюсь, что ножик нашёлся, всё для меня будет просто. Ну, не нашли — и не нашли. Может, его кто-нибудь успел спрятать в щель, за обои, в какую-нибудь дырочку в полу.

Хватает щелей в нашей старой школе. Но, значит, так и останется впечатление, что в нашем классе учится воришка. Может быть, каждый будет думать на своего товарища, на соседа по парте.

Если же я сейчас признаюсь... О, подумать об этом было ужасно!. Значит, из-за меня затеялась вся эта история, из-за меня каждого из этих мальчишек и девчонок унизительно обыскивали, подозревали в воровстве. Из-за меня, в конце концов, сорвались уроки... Может быть, им всё-таки легче думать, что их обыскивали не зря, что унизили не понапрасну?

Наверно, не так я всё это для себя осознавал в то время. Но помню, что провалиться сквозь землю казалось мне самым лёгким, самым желанным из того, что предстояло пережить в ближайшие минуты.

Встать и произнести громко: «Ножичек нашёлся», — я был не в силах. Язык отказывался подчиниться моему сознанию, или, может, сознание недостаточно чётко и ясно приказывало языку.

Потом мне рассказали, что я, как лунатик, вышел из-за парты и побрёл к доске, к учительскому столу, вытянув руку вперед. На ладони вытянутой руки лежал ножичек.

— Растяпа! — закричал учитель (это было его любимое словечко, когда он сердился). — Что ты наделал!.. Вон из класса! Вон!..

Потом я стоял около дверей школы. Мимо меня по одному выходили ученики. Почти каждый из них, проходя, задерживался на секунду и протяжно бросал:

— Эх, ты!..

Вот прошёл Валька Грубов и сказал: «Эх, ты!..»;

вот прошёл Юрка Семионов и сказал: «Эх, ты!..»;

вот прошла Катька Барсукова и сказала: «Эх, ты!..»

Не знаю, почему я не бежал домой, в дальний угол сада, где можно было бы в высокой траве отлежаться, отплакаться вдалеке от людей, где утихла бы боль горького столкновения неопытного мальчишечьего сердца с жизнью, только ещё начинающейся.

Я упрямо стоял около дверей, пока мимо меня не прошёл весь класс. Последним выходил Фёдор Петрович.

— Растяпа! — произнёс он снова злым шёпотом. — Ножичек у него украли... Эх, ты!..

В.А. Сухомлинский

САМЫЕ ЛАСКОВЫЕ РУКИ

Маленькая девочка приехала с мамой в большой город. Пошли они на базар. Мама вела дочку за руку. Девочка увидела что-то интересное,

от радости захлопала в ладоши и потерялась в толпе. Потерялась и заплакала.

— Мама! Где моя мама?

Люди окружили девочку и спрашивают:

— Как тебя зовут, девочка?

— Оля.

— А как маму зовут? Скажи, мы её сейчас же найдём.

— Маму зовут... мама... мамочка...

Люди улыбнулись, успокоили девочку и снова спрашивают:

— Ну, скажи, какие у твоей мамы глаза: черные, голубые, синие, серые?

— Глаза у неё... самые добрые...

— А косы? Ну, волосы какие у мамы — чёрные, русые?

— Волосы... самые красивые...

Опять улыбнулись люди. Спрашивают:

— Ну, скажи, какие у неё руки... Может быть, какая-нибудь родинка у неё на руке есть, вспомни.

— Руки у неё... самые ласковые. И объявили по радио: «Потерялась девочка. У её мамы самые добрые глаза, самые красивые косы, самые ласковые в мире руки». И мама сразу же нашлась.

М о п е д

Тракторист Володя недавно купил новенький мопед. В деревне все свои, и он ставил мопед в сарайчик, не запирая воротца на замок.

В воскресенье он уехал на автобусе в город, а мопед оставил, как всегда, в незапертом сарайчике.

Соседские ребята, братья, Юра да Слава, решили прокатиться на мопед. Юре было десять лет, и он уже не раз катался на Володином мопед. Правда, с разрешения дяди Володи и под его приглядом. Мопед — вещь дорогая...

Семилетний Слава сначала отговаривал Юру: дескать, нельзя брать чужое без спроса, — но вскоре поддался уговорам.

Юра прокатится разок в конец прогона и всё. И Славу на багажнике прокатит. И они поставят мопед на место.

— Козу только надо с прогона убрать, а то под колёса попадёт, — сказал Юра, и они выдернули колышён, к которому была привязана коза Белка, и отвели козу на берег ручья.

Теперь прогон — широкий проход между дворами — был свободен.

Замирая от страха, ребята вошли в чужой сарайчик и вывели мопед. Он сиял вишнёвой рамой, никелированными ободами, квадратной

фарой и оранжевыми отражателями. И он вкусно пах бензином.

— Ух ты... — восхищённо осматривал мопед Юра.

— Юр, а Юр, — прошептал Слава. — А может, не будем? Что-то страшно стало... Давай поставим на место!

Но Юра уже выкатил великолепную машину в прогон.

Послушно заработал мотор.

— Подсаживайся на багажник! — крикнул Юра брату. — Так... — говорил он уже самому себе. — Разжимаем сцепление, даём газу...

Мопед дёрнулся и помчал в конец прогона, к ручью.

Прокатались раз, и другой, и третий.

А на четвёртом заходе вдруг заглох мотор. У Юры и сердце оборвалось.

— Слезай, — глухим голосом велел он брату. — Мопед запороли. Наверно, от перегруза. У Славы затряслись губы, он захныкал:

— Я же говорил... Я тебя отговаривал... Что же теперь делать?

— Не ной, и без того тошно! — сказал Юра.

Юра потрогал-подёргал краник, тросик, попытался завести мопед с разбега. Мотор молчал.

— Всё, пропали мы с тобой, — тихо произнёс Юра.

Молча закатали мопед в сарайчик, закрыли воротца и убежали к себе домой.

Вскоре пришла мама. Она вернулась из города на рейсовом автобусе вместе с дядей Володи́ей и его женой.

Мама удивилась тому, что дверь в избу заперта изнутри.

— От кого вы заперлись, воробышки? — спросила она у притихших детей. Дети молчали.

— Ай набедокурили? — встревожилась мама. — Ну, признавайтесь, что натворили? Слава не выдержал, припал к маме и заплакал.

— Да что случилось? Рассказывайте скорее!

Юра вздохнул и, насупясь, рассказал о случившемся.

— Так... — мама опустила́сь на табуретку.

В доме повисло тяжёлое молчание.

— Что набедокурили — плохо, — заговорила наконец мама. — Что сознались, честно рассказали мне — хорошо... Теперь будем думать, что нам делать... Что там могло с мотором случиться? — повернулась она к Юре.

— Не знаю, мотор новый, наверно, цилиндр перегрева не выдержал, лопнул, — объяснил Юра, глядя исподлобья на маму.

— Насколько я понимаю в технике, это серьёзная поломка, да? — спросила мама.

— Да, — подтвердил Юра. — Капитальная.

— Что ж, — подумав, сказала мама. — Из всякой беды есть выход. Продадим нашу козочку Белку...

Мама вздохнула, промокнула глаза носовым платочком. Слава снова заплакал; а Юра побледнел и сказал:

— А может, не сознаваться дяде Володе, что мы брали мопед?

— Нет, милые мои детки, — твёрдо возразила мама. — За свои проступки надо отвечать... — Она выглянула в окно: — Вон дядя Володя уже выводит свой мопед из сарайчика. Словно почувствовал неладное... Идите и признавайтесь. Так и так, мол. Виноваты, просим прощения. Больше никогда ничего чужого без спроса брать не будем. А за мопед, мол, расплатимся. Козочку продадим...

Ребята всё не решались идти.

— Идите, воробышки, идите, — повторила мама. — Жалко, конечно, нашу Белочку кормилицу, да кроме неё ничего ценного у нас нет. Что уж поделаешь... Поступим по совести — и Бог не оставит нас...

Подталкивая друг друга, дети несмело подошли к дяде Володе. Он весело смотрел на них и завинчивал пробку бензобака.

— Что скажете, юные механики?

— Дядя Володя... Мы... Я... — опустив голову, начал Юра.

— Мы взяли без спроса ваш мопед, и он сломался! — выпалил Слава.

— Мы пришли просить у Вас прощения, — уже прямо смотрел дяде Володе в глаза Юра. — Мы

никогда больше не будем брать чужое без спроса. А за мопед мы рассчитаемся. Мама Белочку продаст...

Дядя Володя откинул рукой белобрысый чуб со лба и широко улыбнулся:

— Что без спроса мопед брали, я и без вас знаю: вон на прогоне, на траве следы колёсами намяты... Теперь насчёт мотора. Мотор вовсе не сломался: просто в бензобаке бензин кончился. Вот так-то, юные механики... Но что сознались-повинились — молодцы...

Дети переглянулись и бросились домой. Прибежали, рассказали маме. Мама обняла их, и так они стояли в горнице, обнявшись, и слушали весёлый треск мотора в прогоне и меканье Белки над ручьём. Белка мекала тоже весело, как будто почувствовала, что миновала какая-то беда.

А. Арсений

* * *

... кисель там варят из резины
там шины делают из глины
кирпич там жгут из молока
творог готовят из песка
стекло там плавят из бетона
плотины строят из чугуна
там варят сталь из полотна
кроят рубахи из пластмассы

посуду делают из мяса
котлеты стряпают из саж
там ваксу делают из пряжи
прядут там нитки из сукна
костюмы шьют из толочна...

С. Бондаренко

* * *

... в реке там рыба на бутре
мычит корова в конуре
собака лает на заборе
поёт синичка в коридоре
играют дети на стене
висит картина на окне
узоры инея в печурке
горят дрова в руках девчурки
нарядная там кукла в клетке
ручной щеголь поет салфетки
там на столе лежат коньки
к зиме готовят там очки
лежат для бабушки тетрадки
всегда содержатся в порядке...

ББК 74.00

П 64

П 64 «Потому что я — человек». Сборник художественных текстов. 3 класс. II четверть.
Сост. В. Ниорадзе. — М.: Издательский Дом
Шалвы Амонашвили, 2007. — 24 с.

Главный редактор Ш.А. Амонашвили

Издательский Дом Ш. Амонашвили, 2007.

Лицензия ЛР 064218 от 18.08.95.

Формат 84x108 1/16

103064, Москва, Малый Казенный пер., д. 56,

тел./факс: (495) 207-19-82

© Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2007

